

Тридцать три радости

Их было четыре. По одному на каждого члена семьи. Четыре блокнота с пёстрыми рисунками на обложке. Через год в одном будут исписаны все девяносто шесть страниц, в другом — чуть больше половины, ещё в двух — едва ли наберётся с десятков листов. «Теперь у каждого из нас будет своя книга радости, — сказал папа, протягивая каждому по яркой книжице, — будем записывать туда всё хорошее, что случилось за день». Папа очень хочет стать позитивнее и веселее. Чего хотят остальные члены семьи неизвестно, но младшая дочь берётся за дело с энтузиазмом. Когда тебе девять, жизнь вообще частенько состоит из сплошных радостей.

Я проснулась в 5 утра!

Я сегодня спала всего 5 часов!

Сегодня в доме 32 градуса, а на улице все 40!

Утро в деревне начинается рано. Особенно, если тебе всего девять. Мир за ночь, может, и не перевернулся с ног на голову, но когда тебе девять, не воспринимаешь это как должное. Это взрослые, поднимаясь с постели, рассчитывают на привычную чашку крепкого кофе, а дети в глубине души надеются, что из кофеварки польётся лимонад.

Бабушка в стайках доит корову. Кот, спокойно щурясь, занимает выжидающую позицию на заборе. Ещё прохладно, от росы на траве резиновые шлёпки хрустят при каждом шаге. Алиса врывается в курятник — если уж она не спит, то курицам подавно пора на прогулку. Кот с неодобрением наблюдает, как кудахчущие перья наводняют двор. Через десять минут он получит свою законную плошку молока, а Алиса побежит менять воду в собачьих мисках.

Если вы думаете, что на этом можно было бы и успокоиться, вы совершенно ничего не знаете о девятилетках. Для кого, если не для вас, в саду распустилась огненно-красная роза? Разве не вас под кустом дожидается поспевшая за ночь клубника?

Последний штрих — взобраться по лестнице на крышу гаража. Пара минут — и по дороге неровным строем пойдут коровы, их протяжное «мууу» уже разносится по улице. Впереди — целый день, целое лето, полное ароматных полевых ягод и трав, бабушкиных булочек с маком, исцарапанных коленок и жужжащих под ухом пчёл.

Впереди целая жизнь.

Байкал с утра сорвался с цепи и бегал по ограде.

После сна мы все валялись и болтали.

Я лазила на чердак! Там в углу летучие мыши!

Выгоняла корову на выпас вместе с бабушкой!

В девять лет ничего не боишься. Даже забраться на крышу и глядеть вниз, свесив ноги, совсем нестрашно. А вот получить нагоняй от мамы за то, что лазаешь где попало — другое дело. Поэтому Алиса сидит на крыше настолько тихо, насколько может, и даже не визжит, если в опасной близости от её головы пролетает пчела. Когда громкоголосая лайка срывается с привязи, приходится выбирать между собственной безопасностью и нагоняем. Спустишься — и пёс непременно собьёт тебя с ног, залижет или, чего доброго, покусает. Вообще Алиса любит собак, но знает, что у животных на уме может быть всякое. Мама так и говорит.

Приходится реагировать: «Дедушка, Байкал сорвался!» Дедушка выходит из мастерской — он вечно там чем-то занят. Мимо стрелой проносится ополоумевший от восторга пёс: в эти пять минут внезапно свалившейся свободы он будто хочет наверстать недели и месяцы, проведённые на цепи. Дедушка собак тоже любит и совсем не боится — только смотрит и выжидает момент, чтобы половчее прихватиться за ошейник.

Через пять минут Байкал на цепи. Алиса тоже меняет дислокацию. Ей нужно срочно поупражняться в поиске сокровищ на чердаке. Здесь можно многое найти. Например, мамин школьный дневник (вот её почему-то заставляют учиться на одни пятёрки, а у мамы дневник нормальный, человеческий, даже с трояками для разнообразия). Есть здесь куклы, давно забытые хозяйками, есть стройная гитара, деревянные счёты, коньки и даже старый проявитель фотографий. Словом, здесь рай для любопытных детских глаз, проворных ручек и богатой, ещё неиспорченной шаблонами фантазии.

*

Самое главное — подкараулить момент, когда почтальон уже отошёл на приличное расстояние, а соседи ещё не успели выглянуть в окно и убедиться, что из почтового ящика торчит свёрнутый трубочкой номер свежей газеты.

Тогда есть два пути. Прямой — вдоль ограды, ползком. Более длинный, но безопасный: перелезть через забор, обойти вокруг дома и прокрасться к ящику, спрятавшись в тени

дерева. А потом — неважно, какой путь ты выбрал — выдернуть газету и бежать со всех ног!

Сегодня Алиса идёт на дело одна: двоюродный брат ещё спит, хотя, как по ней, тратить время на сон — самое бесполезное занятие на свете. Ты подумай хорошенько: ведь вместо этого можно сыграть партию в дурака, усесться с книжкой в тени и с жареными семечками в кульке, объестся клубники с молоком, на худой конец.

Газета ей на самом деле не очень-то нужна, тут дело в азарте, приключении. А ещё они с братом коллекционируют комиксы про мальчика-волшебника. Да, в газетах иногда печатают и что-то дельное. Когда Алиса пулей влетает во двор, предварительно расчётливо спрятав краденное под футболку, бабушка зазывает: «Завтракать!»

Из кухни уже доносятся сладостные ароматы, от которых пустой желудок начинает исполнять беспокойное соло. Там точно есть румяные пирожки с хрустящей корочкой, пышные лепёшки и, если обоняние её не подводит, свежеспечённые блины с мёдом и растопленным маслом. Алиса оставляет свой трофей под креслом на веранде и бежит к столу. Да, вот они, в самом центре живописного натюрморта: круглые, как солнечный диск, горячие, тонкие, с кружевным узором блинчики.

Мама суетливо расставляет тарелки, как будто все куда-то очень торопятся. Мама постоянно о чём-то беспокоится. Если мама не беспокоится, то беспокоиться начинает папа. И уж тогда беспокоиться приходится всем.

Летняя кухня маленькая, низенькая: папе приходится наклоняться, чтобы не удариться головой об лампочку или дверной проем. Хотя вообще папа и сам по себе любит ходить с опущенной вниз головой. Алиса думает, это от того, что у него очень-очень много мыслей. А когда у человека много мыслей, известно, что происходит: они своей тяжестью давят, да так, что шея не может удержать грузную голову прямо.

Постепенно кухня наполняется голосами. Дедушку вечно не дозовешься из мастерской, но вот и он занимает своё почётное место рядом с папой. Ещё сонная сестра и не продравший глаза двоюродный братец тоже здесь.

Алиса со всей ответственностью готова заявить, что девяносто девять процентов взрослых разговоров — пустая болтовня. Ну, девяносто уж точно. Вы только послушайте!

— А как быть со сметаной?

— Да никак, не надо пока сметану.

— Давайте поставлю в отдельной вазочке?

— Да не надо пока сметану, поставим потом.

— Я же в вазочке отдельной. Ну в вазочку-то надо положить.

И вот так всегда.

Семья начинает обсуждать планы на день. Если вы спросите Алису, она вам скажет, что планы на день — самая занудная штука в мире. Всем же ясно, что делать. А если неясно, значит, делай, что хочешь и радуйся. Так что оживляется она только на фразе «речка после обеда».

Дедушка купил сразу три лимонада!

Папа принёс нам смородину и вишню.

Вкусные пирожки с картошкой и луком.

У меня в коллекции новый комикс.

Папа заводит машину и первым делом включает «Районы-кварталы». Папе нравятся «Районы-кварталы». Он кивает головой в такт, будто подтверждая каждое слово. А иногда негромко подпевает. Алисе «Звери» тоже нравятся: их слушает её старшая сестра. Когда тебе девять, иногда приходится слушать и Эминема, и Михаила Круга, и Машу Распутину. Взрослые не очень-то интересуются твоими музыкальными предпочтениями. А «Звери» — это даже весело.

Вы спросите у девятилетки, что может быть лучше, чем летом ехать на речку, высунув пятки из окна, попивая до тошноты сладкий грушевый лимонад и смотря, как папа кивает в такт «Районам-кварталам»? Ни-че-го!

Они успевают побывать сразу на двух речках. Так получилось, потому что здесь, под обрывом, сливаются в один два потока. Чуть грязный, но тёплый, и холодный, зато кристально чистый, как горная река. Если встать между ними — одна нога здесь, другая там — будто оказываешься в двух местах одновременно. А вы всё говорите, что чудес не бывает! Ну а это тогда что?

Как хорошо в такую жару просто плескаться в воде и ни о чём не думать! Взрослые с Алисой, конечно, не согласятся: у них всегда найдётся, о чём подумать. «Алиса, не отплывай далеко от берега, ты же плохо плаваешь», «Алиса, не ныряй надолго, а то будет болеть голова!» У мамы уже залегла морщинка меж бровей, так что она вечно повторяет

ей: «Не хмурься! А то будешь как я!» А как не хмуриться, если вокруг вечно хмурые лица, указывающие, что тебе делать? У папы по-другому — у него глубокие продольные морщины испещряют лоб. Там всё серьёзно: папа ныряет в проблемы с головой, вот прямо как сейчас с разбегу ныряет в извилистую речку.

«Вирус взрослости» — так Алиса определяет для себя заболевание, переболев которым, человек вдруг становится мрачным и недовольным. Симптомы — морщины на лбу и переносице, раздражённый голос, опущенная голова и суетливость. Её старшая сестра, кажется, уже заразилась. Она сейчас, конечно, смеётся и выглядит беззаботной, но в глазах то и дело мелькают мысли. Мелькают, угасают, снова внезапно вспыхивают, задерживаются, исчезают...

«Хватит думать! — приказывает себя Алиса, — ныряй!»

Мы поехали на речку.

На речке, где мне вода по грудь, я плавала!

Я скоро буду уметь плавать!

В деревне папа выглядит веселее, чем в городе. Ещё бы: тут можно бегать не вдоль дороги, кишасей сигналищими машинами, а по полям, рядом с покачивающимися деревьями, морем гречихи, пшеницы и подсолнухов. Если бы вы заглянули в папину «книгу радости», то вряд ли что-нибудь смогли в ней понять: папа врач, так что все его радости останутся навечно зашифрованными. Но слово «бег» вы бы точно разглядели — оно есть почти на каждой странице.

Иногда они всей семьёй собираются в гостиной, чтобы поделиться друг с другом самыми-самыми радостными радостями. Алиса внимательно слушает. Взрослые радости сильно отличаются от радостей девятилетней девочки. Для начала — в них много слов. Как будто нужно объяснить кому-то в подробностях, почему твоя радость заслуживает право на существование.

Вот папа помог девушке донести сумки до подъезда — на руках у неё спал ребёнок. На душе сразу стало хорошо. Сборная Англии победила в товарищеском матче с круглым счётом — как приятно смотреть хороший добротный футбол! А ещё вспоминать те годы, когда и сам был вратарём в пионерском лагере «Берёзка». В копилке папиных радостей есть пробные занятия по хатха-йоге, велокроссы, отжимания от пола.

Дети не ссорились весь день и вместе ходили в магазин за продуктами. Сделала новую стрижку, которая понравилась всем. Девочки убрались дома, приготовили поесть и испекли торт. Это всё уже из маминого списка.

Алиса нервничает: теперь её собственные радости кажутся ей глупыми. Оказывается, даже для какой-нибудь маломальской радости обязательно нужен серьёзный, приличный такой повод. Ну вот нельзя просто взять и порадоваться дурацкой мелочи! Будто от этого весь мир перевернётся.

Такие продуманные они, эти взрослые. И радости у них такие же.

Я прыгала на скакалке!

Я пугала ворон.

Я ловила бабочек.

Мы набрали много клубники. Очень много!

Я видела малюсеньких новорождённых поросят!

На старом кладбище тихо и спокойно. Здесь нет этих мрачных гранитных плит, только торчат железные кресты и много-много зелени. Тропинку к прабабушке и прадедушке перекрыло повалившееся дерево, так что сам путь к ним превращается в большое приключение и бег с препятствиями.

Алисе совсем не страшно, наоборот. Сколько историй прячется здесь, под раскинувшимися тополями и осинами? Начнут рассказывать — не переслушаешь! Сто лет назад — о тебе ещё знать не знали! — а уже ходили по земле, думали, строили планы.

Прабабушка была худой и ела арбуз с чёрным хлебом. Она дожила до девяноста лет (говорите, что хотите, а только Алиса не станет есть арбуз с чёрным хлебом, ни за какие коврижки!) Прадедушка, как можно догадаться, выращивал арбузы. А ещё всю жизнь занимался пчёлами. Вы скажете, мало информации. Да, но уже что-то. Алиса тоже любит арбузы, любит мёд. Так что недалеко они ушли друг от друга. По крайней мере, нашлось бы, о чём поговорить.

Есть здесь оградки одинокие и грустные — хочется подойти к ним и попросить прощения. Имена стёрлись, будто их и не было вовсе. К нарядным оградкам с цветами и свежей краской подходить радостнее: про нас не забывают, говорят они. Прошло уже с четыре десятка, а помнят, приходят, улыбаются.

И везде здесь какая-то музыка: шепчут деревья, шелестит листва, стрекочут, гудят, жужжат, щебечут. Даже плакать хочется. А сказать словами почему — не можешь.

Наверное, взрослым неудобно, что ребёнок их так бесцеремонно врывается в чужие жизни: подходит, здоровается, раздаёт конфетки, обещает навестить при случае. Мама шикает, говорит, чтоб не уходила далеко, но Алису так просто не остановишь.

Интересно, а какими были радости сто лет назад? Или даже двести?

Я играла в тетрис под руководством папы.

Я помыла посуду.

Я заполняю свою книгу со стихами.

Я выиграла в дурака.

Мне дали посмотреть в бинокль! Настоящий!

Я люблю ходить по ступенькам.

Алиса уже пишет свою книгу. Даже несколько. Писательский талант у неё от мамы, а за усидчивость надо сказать спасибо папе. Первая книга — сборник стихотворений про деревню и её любимую кошку, Лизу. Вторая — под рабочим названием «Кошка, которая летает сама по себе». Может, позже к кошкам добавятся летающие собаки и коровы. Алиса пока не решила.

Зато она чётко знает, что в её будущем доме непременно поселятся семь (ну, или девять) котов, три собаки, лошадь, два волнистых попугайчика и хомячок. Приютить под своей крышей всех бездомных животных она, конечно, не сможет. Поэтому придётся открыть приют. Алиса будет проводить там свободное время, а зарабатывать станет писательством и актёрством. Очень хочется сыграть барышню из высшего света, в пышном платье с кружевом и в чепчике с цветами. Морально Алиса уже готовится, учит наизусть стихи Пушкина и Лермонтова. А книги её так и вовсе почти дописаны. Нет, пожалуй, лучше открывать сразу сеть приютов!

— Мам, а о чём ты мечтаешь?

— Хочу, чтобы все были здоровы и счастливы.

— Это само собой. А о чём-то для себя?

— Хочу, чтобы подняли зарплату и в отпуск на море.

Ладно, принято.

— Пап, а ты?

Папа, конечно, хочет пробежать марафон. Дедушка — поменять машину. Бабушка от ответа уходит, но Алиса слышала, как пару дней назад она вслух мечтала о том, как было бы здорово разобрать печку и сделать ремонт на кухне.

Так, а разве не было бы здорово сменить не только печку, но и весь дом? Или так: не поехать в отпуск на море, а жить у моря? Ну и в конце концов, может, попросить не большую зарплату, а пару миллионов, выигранных в лотерею?

Нет, так не работает. Мечтать надо осторожно, по чуть-чуть. Сначала кухню отремонтировать, потом коридор. Потом, глядишь, и веранду получится. А бахнуть сразу целый дом — ничего себе наглость!

Подумав, Алиса выводит в блокноте:

Когда вырасту, исполню мечты всех своих родных. Эта мысль меня радует.

Этого у неё сделать не получится. Во-первых, потому что когда вырастаешь, забываешь спрашивать, о чём мечтают другие. Во-вторых, потому что не все твои родные дождутся, пока ты вырастешь. Некоторые уходят, так и не осуществив мечты.

Лиза будет рожать! Мы сведём её с котом Ксюши Барсиком.

Мама привезла мне постеры, скотч, степлер, батарейки, наклейки, скакалку, карандаши, фломастеры и раскраску!

Я могу прыгать на скакалке сто раз подряд!

Лучшее, что может быть — задержаться после ужина за столом на летней кухне. Тогда все раскидывают карты, и творится волшебство. На улице смеркается, звуки ночной деревни потихоньку сгущаются вокруг маленькой кухоньки. Выйдешь из этого островка света, и на тебя обрушится темнота, а в ней — квакающие лягушки, разговорчивые сверчки, о чём-то болтающий соловей и важно переговаривающиеся собаки. И так хорошо, так просторно, как будто сам ты сплошь состоишь из этих звуков, темнота вокруг — продолжение твоих рук, а ноги корнями проросли в землю, чтобы там напитаться силой и мудростью.

Кухня — точно живой организм, со своим настроением и даже мыслями. Не каждый вечер похож на этот, не каждый разговор бежит так неторопливо и легко, и уж точно не всякий раз они хохочут, хватаясь за животы и обливаясь слезами.

Папа рассказывает, как они с одноклассниками пили сидр в перерывах между парами. Следующей по расписанию была философия, не самый важный предмет. А употребление сидра, как выяснилось, очень способствует занятиям философией. Так что к концу семестра они с друзьями заработали автоматы.

— Дедушка, а расскажи про арбузы!

Нужды в арбузах никогда не было. Вы же помните: прадедушка их выращивал. Каждую осень пухлые полосатики занимали все ёмкости в доме: вёдра, тазики, металлические ванны. Даже если очень захочешь, даже если будешь есть их на завтрак, обед и ужин, всё равно со всеми не справишься.

Так что недостатка в арбузах не было. А жажда приключений была. Тут Алиса разумно проводит параллель с кражей газет. Про себя, конечно. Вслух она об этом расскажет, если предоставится случай, лет через десять.

И вот однажды дедушка, когда он был ещё не дедушка и даже не папа, решил с приятелями пожить соседскими арбузами. И представляете: пошёл на дело в красной рубашке! Красной! Посреди бела дня! А в те времена красные рубашки, знаете ли, были редкостью в небольшой деревушке.

— Прихожу я, значит, домой, а Евдокия Дмитриевна уже на кухне сидит, вот на этом самом месте, и беседует с родителями.

Делать нечего — пришлось отдать соседке добрую ванну арбузов взамен краденных.

А мама? Помните историю про то, как маму забыли на вокзале? И ведь приехали на экскурсию всем классом, а забыли только её! Три часа ночи, железнодорожный вокзал, незнакомый город. Смешно? Теперь да. А тогда было не до смеха.

Пройдёт время, и у Алисы тоже будет много таких историй. Смешных. Страшных. Грустных и весёлых. Разных. Потому что жизнь — разная.

В августе они приготовят пирожки с ревенем, заварят полный термос травяного чаю и заберутся на крышу. Они будут смотреть на звёзды. Как же их много! Если и в самом деле верно, что на каждую приходится по желанию, то уж одно Алисино они точно исполнят. И тогда её книга радостей никогда не закончится.

Я похожа на маму.

У меня классные тапочки!

Время 1:05, а я ещё не сплю!

Перед сном мы с дедушкой пили какао на кухне.